

1839

СТО
РУССКИХЪ
ЛИТЕРАТОРОВЪ.

ИЗДАНИЕ
КНИГОПРОДАВЦА А. СМЕРДИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

АЛЕКСАНДРОВЪ.	ПОЛЕВОЙ.
ВЕСТУЖЕВЪ.	ПУШКИНЪ.
ДАВЫДОВЪ.	СВИНЬИНЪ.
ЗОТОВЪ.	СЕНКОВСКІЙ.
КУКОЛЬНИКЪ.	ШАХОВСКОЙ.

Санктпетербургъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

1839.

ОДНА ГЛАВА

ИЗЪ

НЕОКОНЧЕННАГО РОМАНА.

ОДНА ГЛАВА

ИЗЪ

НЕОКОНЧЕННАГО РОМАНА.

Гости съѣзжались на дачу ***. Зала наполнялась дамами и мужчинами, прѣѣхавшими въ одно время изъ театра, гдѣ давали новую Итальянскую оперу. Каждый гость, пробравшись до круглаго стола, гдѣ разливали чай, спѣшилъ поклониться хозяйкѣ и потомъ исчезнуть въ толпѣ. Мало по малу порядокъ установился. Дамы заняли свои мѣста по диванамъ. Около нихъ составился кружокъ мужчинъ. Висты учредились. Осталось на ногахъ нѣсколько молодыхъ людей, и смотрѣ Парижскихъ литографій замѣнилъ общій разговоръ.

На балконѣ сидѣли двое мужчинъ. Одинъ изъ нихъ, путешествующій Испанецъ, казалось, живо наслаждался прелестью Сѣверной ночи. Съ восхищеніемъ глядѣлъ онъ на ясное, блѣдное небо, на величавую Неву, озаренную свѣтомъ неизъяснимымъ, и на окрестныя дачи,

рисующіяся въ прозрачномъ сумракѣ. «Какъ хороша ваша Сѣверная ночь,» сказалъ онъ наконецъ, «и какъ не жалеть объ ея прелести даже подъ небомъ моего отечества!»— Одинъ изъ нашихъ поэтовъ, —отвѣчалъ ему другой, —сравнилъ ее съ Русской бѣлобрысой красавицей; признаюсь, что смуглая, черноглазая Итальянка, или Испанка, исполненная живости и полуденной нѣги, болѣе плѣняютъ мое воображеніе. Впрочемъ, давнишній споръ между *la brune et la blonde* еще не рѣшенъ. Но кстати: знаете ли вы, какъ одна иностранка изъясняла мнѣ строгость и чистоту Петербургскихъ нравовъ? Она увѣряла, что наши зимнія ночи слишкомъ холодны, а лѣтнія слишкомъ свѣтлы. Испанецъ улыбнулся. —«И такъ, благодаря вліянію климата», сказалъ онъ, «Петербургъ есть обѣтованная земля красоты, любезности и безпорочности? — Красота дѣло вкуса — отвѣчалъ Русской — но нечего говорить объ нашей любезности. Она не въ модѣ; никто объ ней и не думаетъ. Женщины боятся прослыть кокетками, мужчины уронить свое достоинство. Всѣ стараются быть ничтожными со вкусомъ и приличіемъ. Что жъ касается до чистоты нравовъ, то чтобы не употребить во зло довѣрчивости иностранца, я расскажу вамъ..... — И разговоръ принялъ самое сатирическое направленіе.

Въ сіе время двери въ залу открылись, и Вольская вошла. Она была въ первомъ цвѣтѣ молодости. Правильныя черты, большіе черные глаза, живость движеній, самая странность наряда, все по неволѣ привлекало вниманіе. Мужчины встрѣтили ее съ какой-то шугливой привѣтливостью, дамы съ замѣтнымъ недоброжелательствомъ, но Вольская ничего не замѣчала; отвѣчалъ

криво на общіе вопросы, она разсыянно глядѣла во всѣ стороны; лицо ея, измѣнчивое какъ яблоко, изобразило досаду; она съѣла подлѣ важной княгини Г. и какъ говоритъся, *se mit à bouder*.

Вдругъ она вздрогнула и обернулась къ балкону. Безпокойство овладѣло ею. Она встала, пошла около кресель и столовъ, остановилась на минуту за стуломъ стараго генерала Р., ничего не отвѣчала на его тонкій мадригалъ, и вдругъ скользнула на балконъ.

Испанецъ и Русской встали. Она подошла къ нимъ и съ замѣшательствомъ сказала нѣсколько словъ по Русски.

Испанецъ, полагая себя лишнимъ, оставилъ ее и возвратился въ залу.

Важная княгиня Г. проводила Вольскую глазами и въ полголоса сказала своему сосѣду: «Это ни на что непохоже.

— Она ужасно вѣтрена — отвѣчалъ онъ. — «Вѣтрена? Этого мало. Она ведетъ себя непростительно. Она можетъ не уважать себя, сколько ей угодно, но свѣтъ еще не заслуживаетъ отъ нея такого пренебреженія. Минскій могъ бы ей это замѣтить.»

— Il n'en fera rien, trop heureux de pouvoir la compromettre. Между тѣмъ, я бьюсь объ закладъ, что разговоръ ихъ самый невинный.

«Я въ томъ увѣрена..... Давно ли вы стали такъ добродушны?»

— Признаюсь, я принимаю участіе въ судьбѣ этой молодой женщины. Въ ней много хорошаго и гораздо меньше дурнаго, нежели думаютъ. Но страсти ее погубятъ.

«Страсти! Какое громкое слово! Что такое страсти? Не воображаете ли вы, что у ней пылкое сердце, романтическая голова? Просто, она дурно воспитана..... Что это за литографія? Портретъ Гуссейнъ-Паши? Покажите мнѣ его.

Гости разъѣзжались; ни одной дамы не оставалось уже въ гостиной; лишь хозяйка съ явнымъ неудовольствіемъ стояла у стола, за которымъ два дипломата доигрывали послѣднюю игру въ экарте. Вольская вдругъ замѣтила зарю и поспѣшно оставила балконъ, гдѣ она около трехъ часовъ сряду находилась наединѣ съ Минскимъ. Хозяйка простилась съ нею холодно, а Минскаго, съ намбреніемъ, не удостоила и взгляда. У подъезда нѣсколько гостей ожидали своихъ экипажей. Минскій посадилъ Вольскую въ ея карету. «Кажется твоя очередь,» сказалъ ему молодой офицеръ. — Вовсе нѣтъ — отвѣчалъ онъ. — Она занята; я просто ея наперсникъ, или что вамъ угодно. Но я люблю ее отъ души: она уморительно смѣшна.

Зинаида Вольская лишилась матери на шестомъ году отъ рожденія. Отецъ ея, человекъ дѣловой и разсѣянный, отдалъ ее на руки Французенкѣ, нанялъ учителей всякаго рода, и послѣ ужъ объ ней не заботился. Четырнадцать лѣтъ, она была прекрасна и писала любовныя записки своему танцмейстеру. Отецъ объ этомъ узналъ, отказалъ танцмейстеру и вывезъ ее въ свѣтъ, полагая, что воспитаніе ея кончено. Появленіе Зинаиды надѣлало большого шума. Вольскій, богатый молодой человекъ, привыкшій подчинять свои чувства мнѣнію другихъ, влюбился въ нее безъ памяти. Онъ сталъ сва-

таться. Отец обрадовался случаю сбыть съ рукъ молодую невѣсту. Зинаида горѣла нетерпѣніемъ быть за мужемъ, чтобы видѣть у себя весь городъ. Къ тому же Вольской ей не былъ противень, и такимъ образомъ участь ея была рѣшена.

Ея искренность, неожиданныя проказы, дѣтское легкомысліе, производили сначала пріятное впечатлѣніе, и даже свѣтъ былъ благодаренъ той, которая поминутно прерывала важное однообразіе аристократическаго круга. Смѣялись ея шалостямъ, повторяли ея странныя выходки. Но годы шли, а душѣ Зинаиды все еще было четырнадцать лѣтъ. Стали роптать. Нашли, что Вольская не имѣетъ никакого чувства приличія, свойственнаго ея полу. Женщины стали отъ нея удаляться, а мужчины приблизились. Зинаида подумала, что она не въ прогрышѣ, и утѣшилась.

Молва стала приписывать ей любовниковъ. Злословіе, даже безъ доказательствъ, оставляетъ почти вѣчные слѣды въ свѣтскомъ уложеніи. Правдоподобіе равняется правдѣ, и быть предметомъ клеветы унижаетъ насъ въ собственномъ мнѣніи. Вольская, въ слезахъ негодованія, рѣшилась возмутиться противъ власти несправедливаго свѣта. Случай скоро представился.

Между молодыми людьми, ее окружающими, Зинаида отличила Минскаго. По видимому, нѣкоторое сходство въ характерахъ и обстоятельствахъ жизни должно было ихъ сблизить. Въ первой молодости, Минскій, порочнымъ своимъ поведеніемъ заслужилъ также порицаніе свѣта, который наказалъ его, клеветою. Минскій оставилъ его, притворясь равнодушнымъ. Страсти на время заглуши-

ли въ его сердцѣ угрызенія самолюбія, но усмиранный опытами, явился онъ вновь на сцену общества, и принесъ ему, уже не пылкость неосторожной своей юности, но снисходительность и благопристойность эгоизма. Онъ не любилъ свѣта, но не презиралъ, ибо зналъ необходимость его одобренія. Со всѣмъ тѣмъ, уважая вообще, онъ не щадилъ его въ особенности, и каждаго члена его готовъ былъ принести въ жертву своему злопамятному самолюбію. Вольская нравилась ему, за то, что она осмѣливалась явно презирать ненавистныя ему условія. Онъ подстрекалъ ее ободреніемъ и совѣтами, сдѣлался ея наперсникомъ, и вскорѣ сталъ ей необходимъ.

Б ** нѣсколько времени занималъ ея воображеніе. «Онъ слишкомъ для васъ ничтоженъ,» сказалъ ей Минскій. «Весь умъ его почерпнуть изъ *Liaisons dangereuses*, такъ же какъ весь его геній выкраденъ изъ Жомини. Узнавъ его короче, вы будете презирать его тяжелую безнравственность, какъ военные люди презираютъ его пошлыя разсужденія.»

— Мнѣ хотѣлось бы влюбиться въ Р.,— сказала ему Зинаида. «Какой вздоръ!» отвѣчалъ онъ. «Охота вамъ связываться съ человѣкомъ, который краситъ волосы, и каждаыя пять минутъ повторяетъ съ упоеніемъ: *quand j'étois à Florence*..... Говорятъ, его несносная жена влюблена въ него; оставьте ихъ въ покоѣ: они созданы другъ для друга.

— А баронъ W.?

«Это дѣвочка въ мундирѣ. Что въ немъ? Но знаете ли что? Влюбитесь въ Л. Онъ займетъ ваше воображеніе: онъ также необыкновенно уменъ, какъ необыкновенно

дурень, et puis c'est un homme à grands sentiment, онъ будетъ ревнивъ и страстенъ; онъ будетъ васъ мучить и смѣшить — чего вамъ болѣе?

Однакожь Вольская его не послушалась. Мянскій угадывалъ ея сердце; самолюбіе его было тронуто; не полагая, чтобъ легкомысліе могло быть соединено съ сильными страстями, онъ предвидѣлъ связь безъ всякихъ важныхъ послѣдствій, лишнюю женщину въ списокъ вѣтренныхъ своихъ любовницъ, и хладнокровно обдумывалъ свою побѣду.—Вѣроятно, если бъ онъ могъ вообразить бури, его ожидающія, то отказался бъ отъ своего торжества, ибо свѣтскій человѣкъ легко жертвуетъ своими наслажденіями и даже тщеславіемъ лѣни и благоприличію.....

